

КРАСКИ

История макияжа

Лиза Элдридж

Креативный директор Lancôme

KRASOTA. История моды

Лиза Элдридж

Краски. История макияжа

«ЭКСМО»

2015

УДК 613.4
ББК 38.937

Элдридж Л.

Краски. История макияжа / Л. Элдридж — «Эксмо»,
2015 — (KRASOTA. История моды)

ISBN 978-5-699-86051-7

Эта потрясающе красивая и безумно интересная книга – шикарный подарок всем, кто интересуется искусством создания макияжа и историей моды. Ее написала легендарная Лиза Элдридж, один из самых уважаемых и опытных визажистов в мире. В настоящий момент она занимает пост глобального креативного директора Lancôme. Книга полна загадочных историй, причудливых жизненных анекдотов, удивительных результатов исследований и неизвестных фактов о косметике. По всей книге разбросаны главки, посвященные личным кумирам Лизы, ее «музам макияжа». Эти музы, законодательницы мод и нарушительницы правил, сделали великое дело – они изменили взгляд общества на то, какой должна быть женщина и как она может выглядеть. Каждый, кто прочтет эту книгу, сможет взглянуть на содержимое своей косметички другими глазами. И возможно, совершенно по-другому посмотрит и на всю историю женщин. В формате PDF А4 сохранен издательский дизайн.

УДК 613.4
ББК 38.937

ISBN 978-5-699-86051-7

© Элдридж Л., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Введение	9
Вступление	13
Часть первая	16
Красный	17
Музы макияжа	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лиза Элдридж

Краски

История макияжа

Lisa Eldridge

FACE PAINT: THE STORY OF MAKEUP

Серия «KRASOTA. История моды»

Благодарим BeautyInsider.ru за помощь в работе над русским изданием книги

Copyright © Abrams Image, an imprint of ABRAMS.

First published in the English language in 2015 by Harry N. Abrams, Incorporated, New York /
ORIGINAL ENGLISH TITLE: FACE PAINT: THE STORY OF MAKEUP (All rights reserved in
all countries by Harry N. Abrams, Inc.)

© Фаррелл О. О., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Прочитайте ЭТУ КНИГУ, и вы будете смотреть на СОДЕРЖИМОЕ
своей косметички ДРУГИМИ ГЛАЗАМИ.

Лиза Элдридж, креативный директор Lancome

«Неожиданно серьезная книга о такой, казалось бы, несерьезной вещи,
как макияж.

И – неожиданно захватывающая. История румян и помады от
Ледникового периода до XXI века и история главных действующих лиц и икон
красоты от Макса Фактора до Мадонны читается как детектив».

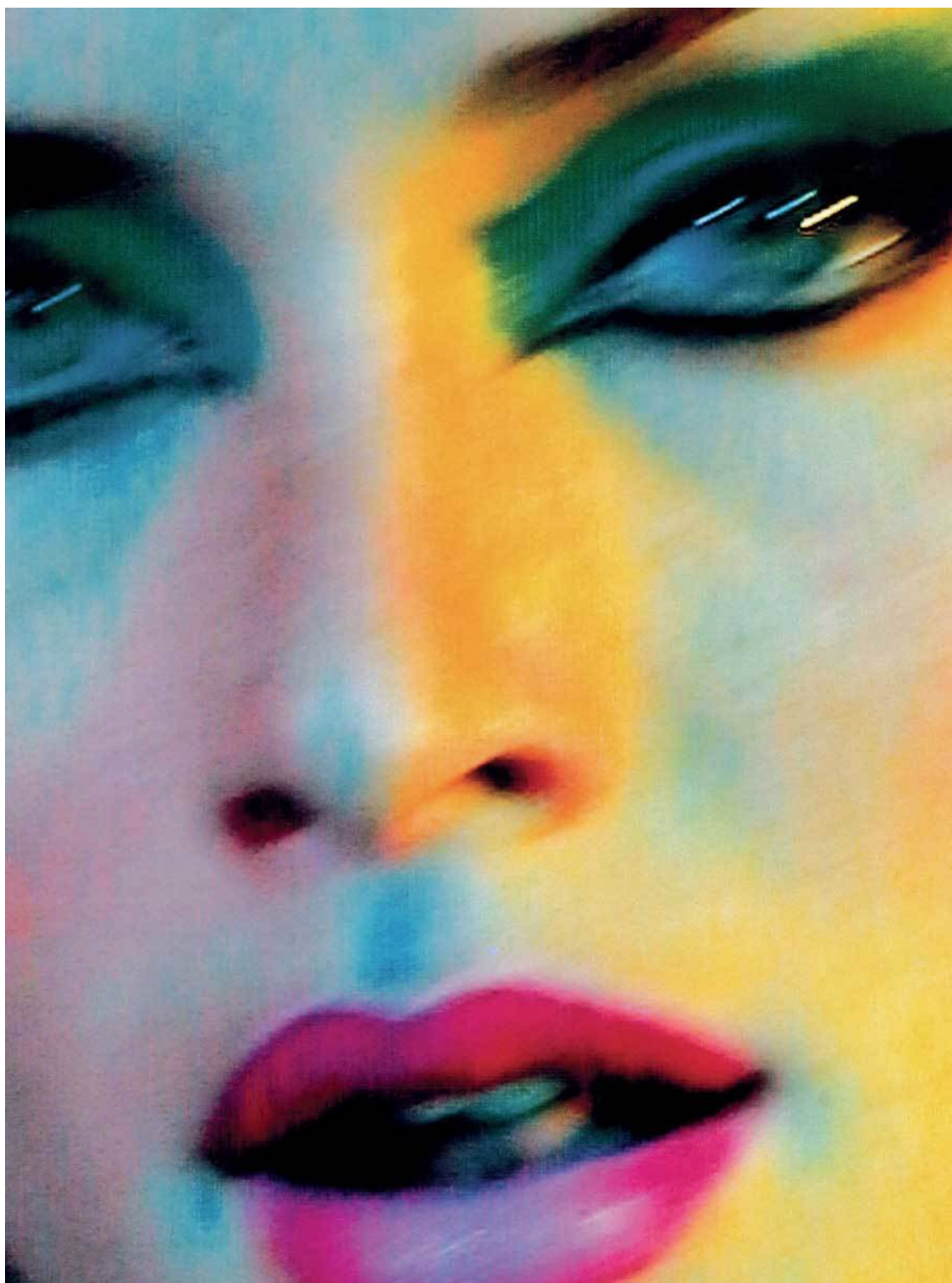
Яна Зубцова, главный редактор www.beautyinsider.ru

«Эта книга – кладезь знаний и фактов не только о макияже, но и обо всем,
что касается красоты и косметики. Не ищите здесь make-up-схем и советов
по нанесению. Это не практическое руководство, а энциклопедия, благодаря
которой вы поймете, почему макияж называют искусством».

*Мария Тараненко, корпоративный директор отдела красоты ELLE Russia &
Psychologies Russia*

«Блестяще! Книга станет настольной для любого бьютиголика. Лиз
удалось задорно, но при этом обстоятельно рассказать о главных вехах истории
макияжа, дать свой прогноз трендов и вспомнить икон красоты, которые
повлияли на развитие бьюти-индустрии. Вызывает желание немедленно
зарыться в косметичку».

*Екатерина Данилова, директор отдела красоты Allure, и. о. главного
редактора*

Я счастлива, что моя книга теперь выходит и в России – стране с невероятно богатой историей.

На страницах «Красок» я лишь вкратце касаюсь влияния русской культуры и макияжа на косметическую индустрию, но сама давно вдохновляюсь русской красотой. А из главы «Урок истории в косметичке» вы узнаете, что шикарные представления и эффектный высокохудожественный макияж труппы «Русских балетов» оказали огромное влияние на общемировые тенденции в красоте и послужили вдохновением для пионеров индустрии – Элизабет Арден и Елены Рубинштейн.

Желаю увлекательного путешествия по страницам книги, которая расскажет вам, как и почему мы используем краски для лица, и погружения в захватывающую историю макияжа.

To Russia

With love

Lisa

xx

Моей маме, благодаря чьей косметике я здесь и оказалась

Введение

Со времен Ледникового периода мы изменяли внешность с помощью масел и красок для лица и использовали для этого определенные художественные приемы.

На протяжении тысяч лет люди раскрашивали свои тела и лица самыми разнообразными способами. Но в XXI веке мы делаем это иначе. Мы руководствуемся иными причинами, используем другие методы и средства и можем выбирать из сотен – в буквальном смысле – тен-

денций и стилей. В нашем распоряжении весь спектр цветов, и выбор зависит исключительно от нашей фантазии, настроения и возможностей, а никак не от предписаний сверху и не от цензуры, хотя сравнительно недавно она активно вмешивалась в этот процесс.

Сегодня макияж, по сути, стал одним из видов изящного искусства. Но чтобы понять, как и когда это произошло, надо вернуться к истокам. Посмотреть, как развивались наши отношения с косметикой, и изучить путь, который проделало человечество, прежде чем красота стала многомиллиардной промышленностью.

Я восхищалась косметикой с детства. Сначала меня завораживали цвета, запахи, краски и ощущение близости, сопричастности к какой-то волшебной истории. Затем – снedaло желание попробовать все на себе. На 13-й день рождения друзья моих родителей подарили мне книгу о театральном гриме, и я точно решила, что буду визажистом. С тех пор это стало моей жизнью. В начале 1990-х я начала коллекционировать винтажные предметы макияжа, пудреницы и старинные баночки для румян. Никогда не забуду волнение, которое испытала, наткнувшись на лондонском блошином рынке Портобелло на свою первую находку. Обнаруживая что-то стоящее для пополнения своей коллекции, до сих пор испытываю тот же трепет.

Декоративная косметика сверкала всеми цветами.

Все самое необходимое для древней косметички предоставляла природа.

Последние двадцать лет я занималась тем, что раскрашивала лица моделей и знаменитостей – для гляцевых журналов, рекламных кампаний, модных показов по всему миру. В остальное время я участвовала в телепередачах и снимала видеоуроки – мне хотелось, чтобы женщины, которые не занимаются этим профессионально, делая по утрам макияж, могли использовать те же маленькие профессиональные трюки, которые использую и я. Кроме того, я была (и остаюсь) креативным директором по макияжу некоторых крупнейших марок – Shiseido, Boots № 7 и, в настоящее время, Lancôme. В ходе этой работы мне удалось узнать, как

создается, рекламируется и продается косметика. У меня сложилось точное понимание того, насколько люди в разных частях света по-разному воспринимают красоту. Никогда не думала, что буду интересоваться производством косметики (в школе химия не была моим любимым предметом) – но, однако, это меня просто захватило. Я начала вникать в научные детали и технологические подробности, определяющие будущее косметики, с таким же энтузиазмом, с каким до этого изучала историю. Моя любовь к краскам превратилась в стремление вникнуть во все способы их использования и приготовления, которыми человечество пользовалось на протяжении веков. В итоге я прошла полный круг, он замкнулся – и итогом этого пути стала книга, которую вы держите в руках.

Самым сложным в ее подготовке было решить, что в нее не войдет. Моих заметок, полных загадочных историй, причудливых жизненных анекдотов и удивительных результатов исследований хватило бы, чтобы написать увесистый фолиант – в десять раз больше и толще этой книги. Но в конце концов мне пришлось взять лишь самые интересные из них. Надеюсь, что вы согласитесь с моим выбором.

Что касается структуры, я решила следовать логике математической, а не исторической; отчасти потому, что мне самой это показалось более привлекательной идеей, а отчасти – потому, что, как часто бывает в истории, многие события пересекались, повторялись и развивались органичным, но всегда линейным образом. Мне также пришлось проявить дисциплину и придерживаться заявленной темы. История макияжа настолько тесно переплетена с историей происхождения парфюмерии и средств ухода за кожей и за волосами, и эти темы сами по себе настолько необъятны, что я разрешала себе только слегка их коснуться, и только там, где это было совершенно необходимо. По всей книге я разбросала главки, посвященные моим личным кумирам, моим «музам макияжа». Эти музы, законодательницы мод и нарушительницы правил, сделали великое дело – они изменили взгляд общества на то, какой должна быть женщина и как она может выглядеть. Именно им мы обязаны тем, что сегодня, без оглядки на чье-либо мнение, смело примеряем на себя и носим такое бесчисленное количество самых разных образов.

Эта книга написана по большой любви. Моя главная мечта – чтобы каждый, кто ее прочтет, взглянул на содержимое своей косметички другими глазами. И, возможно, совершенно по-другому посмотрел бы и на всю историю женщин.

Вступление Накрашенное лицо

Раскрашивание лица – такая же часть человеческой природы, как потребность в еде и сне. Фотограф Ирвин Пенн, © Condé Nast. Vogue, ноябрь 1994 г.

Согласно определению, данному Управлением по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных препаратов США (FDA), косметика – это практически все, что можно «втирать, наливать, рассыпать или распылять, вводить или другим образом наносить на человеческое тело... для очищения, украшения, повышения привлекательности или изменения внешности»¹. И если верить этому определению, мы с вами изменяли кожу с помощью красок и масел и пользовались художественными приемами и уловками для повышения привлекательности еще со времен Ледникового периода.

Но откуда берется наше желание раскрашивать собственное тело?

Антропологи считают, что самые первые случаи раскрашивания лица и тела были, скорее всего, формой камуфляжа, частью ритуала или попыткой защититься от стихии. При раскопках пещер в Северной Африке были найдены большие количества красной охры (пигмент, имеющий красноватый оттенок благодаря минералу гематиту), которым предположительно сто или сто пятьдесят тысяч лет. Отсутствие в этом районе наскальной живописи и предметов искусства позволяет заключить, что охра использовалась для тела и лица – «доисторическая косметика», как описал ее Стивен Митен, профессор археологии и антропологии Университета Ридинга. Мы знаем, что краски также использовались, чтобы подчеркнуть принадлежность к определенному племени или запугать врагов (хороший пример – древние бритты, которые перед битвой раскрашивали лица синей краской, полученной из листьев вайды). Некоторое время спустя декоративная роспись лица стала ассоциироваться с украшением, социальным статусом и сохранением юности, а начиная с XVIII века и по сей день тесно связана с модой.

«Хорошему художнику нужны только три цвета: черный, белый и красный».

Тициан

Но какой бы ни была причина ее использования, декоративная косметика древности была очень и очень яркой: настоящий взрыв пигментов, порошков и паст, которые если в чем-то и уступают современной палитре, то точно не в насыщенности цвета. Эти краски нельзя было просто пойти и купить когда заблагорассудится: их надо было тщательно готовить, часто по очень сложным рецептам. Сегодня это трудно представить, но оттенки, выходящие за пределы базовой палитры: из красного, зеленого, черного, желтого, синего и белого, – появились и начали использоваться только в последние сто лет. Все самое необходимое для древней косметички предоставляла природа. Во всех уголках Земли человек для декорирования собственного лица применял одни и те же ингредиенты наподобие мела, диоксида марганца, угля, ляпис-лазури, медной руды и желтой охры. Этим занимались и аборигены племен Папуа – Новой Гвинеи, и представители ранних цивилизаций Месопотамии и Египта. Так что можно предположить, что раскрашивание лица – часть человеческой природы, может быть, чуть менее базовая, чем потребность в еде и сне.

Здесь, в этой книге, изучая косметику древности, я исследую корни косметики современной и показываю, насколько те средства, которыми мы пользуемся сегодня, обязаны своим существованием краскам прошлого.

История декоративной косметики – огромная, бесконечная тема, охватывающая несколько тысячелетий. О многом мы можем только догадываться, но нам повезло, что археологические исследования вкупе с упоминаниями в литературе и искусстве позволяют собрать мозаику и лучше понять косметические привычки прошлых столетий. Мы можем определить, какие цвета были доступны и популярны в тот или иной исторический период, как их изготавливали и, самое главное, что думали и говорили о женщинах с макияжем на лице.

¹ <http://www.fda.gov/Cosmetics/GuidanceRegulation/LawsRegulations/ucm074201.htm> [FD&C Act, sec. 201 (i)]

Средства, которыми мы пользуемся сегодня, обязаны своим существованием краскам и пигментам прошлого.

Часть первая Палитра древности

Женщина наносит краску на губы. (*Портрет Тиё, майко из Гиона*) Хасигути Гойо, 1920 г.

Красный **Самый древний пигмент в нашей косметичке**

Нарисованный красный рот поразительным образом одновременно и отсылает к античности и традициям, и выглядит современно и смело.

Красно-розовый *rouge* – самый древний пигмент в истории макияжа и при этом самый универсальный. Именно его использовали люди несколько тысячелетий назад, когда, как сказали бы мы сегодня, хотели «сделать акцент» на губах и щеках. В разные эпохи интенсивность макияжа менялась, подстраиваясь под моду и общественное мнение, но красный никогда не сдавал позиций. Сегодня красный пигмент добавляют практически во все средства – от традиционных сухих румян до жидких чернил-стейнов, не говоря уже о помадах, блесках и гелях для губ и щек.

Но почему именно красный?.. Что заставляет целые поколения женщин во всем мире раскрашивать лица во все оттенки алого?

Чтобы ответить на этот вопрос, придется вспомнить все цепочки ассоциаций, которые он вызывает. В разных культурах интерпретации могут различаться, но в подавляющем большинстве этот цвет ассоциируется со страстью, любовью, юностью и здоровьем. На Востоке красный символизирует счастье – поэтому женщины Китая, Индии и Вьетнама выходят замуж в алых платьях. Красный также часто и щедро используется в гриме актеров китайской оперы и японского театра кабуки. Есть у него, правда, и другие коннотации: это цвет крови, опасности, революции, который ассоциируется с крайне левыми политическими убеждениями. Что касается макияжа, то красный используется для имитации прилива крови к коже. Поэтому одна из причин популярности – чисто биологическая. Как точно описывает эволюционный психолог Нэнси Эткофф: «Румяные щеки и красные губы – сексуальные сигналы, признаки женщины юной, не познавшей родов и полной здоровья»². Другая научная причина притягательности красного цвета – физическая: из всех цветов спектра, воспринимаемых человеческим глазом, именно у него – наибольшая длина волны. Следовательно, он вызывает более сильный подсознательный отклик, чем остальные оттенки³. Чтобы убедиться в истинности этого утверждения, представьте себя в комнате с красным полом, стенами и потолком – или вспомните, сколько взглядов устремляется на женщину в красном платье, когда она входит в комнату. Как пишет Эткофф, «красный – цвет крови, покрасневшей и разгоряченной кожи, сосков, губ и гениталий, переполненных сексуального волнения; он виден издали и возбуждает сильные эмоции»⁴.

Первыми румянами в истории макияжа были палочки красной охры, формой и размерами напоминающие современные тени для век в толстом карандаше-стике. Чтобы получить охру, оксид железа смешивали с животным или растительным жиром. Затем – и вплоть до XIX века, когда их начали продавать в аптеках, – румяна изготавливались вручную из самых разнообразных ингредиентов и существовали в самых разнообразных оттенках и текстурах. Карминовый пигмент кроваво-красного цвета извлекали из насекомых кошенили и кermеса; с помощью крайне ядовитых минералов окиси свинца, киновари, сульфида ртути получали пылающий румянец; растения и их экстракты – картамин из сафлора, корень алканы красильной, толченая шелковица и клубника, сок красной свеклы и красный амарант – служили для создания широкой палитры оттенков, от едва заметного розового до насыщенного алого.

² Nancy Etcoff, *Survival of the Prettiest: The Science of Beauty* (New York: Anchor Books, 2000), 107–108.

³ Sally Pointer, *The Artifice of Beauty: A History and Practical Guide to Perfume and Cosmetics* (Sutton Publishing, 2005), 19.

⁴ Etcoff, *Survival of the Prettiest*, 101.

Юная гейша-ученица наносит «бени» (помаду) из чашки, поверхность которой покрыта слоем сухого сафлора. Намокая, он превращался в густо-красную краску. Так «бени» красили губы со времен периода Эдо.

Красный в племенной раскраске

Красную краску наносили не только на губы и щеки. Многие древние и ныне существующие племена используют ее для рисунков на лице и теле. Антрополог Альфред Гелл предположил, что одна из причин такой раскраски – вера в то, что «новая кожа означает новую личность»⁵. Звучит довольно убедительно, но есть и другие причины. Например, представители африканского племени химба, проживающего в нынешней Намибии, известны не только тем, что начали разводить коз и рогатый скот еще в XVI веке. В зависимости от возраста и семейного статуса женщины-химба заплетают волосы в косички разных видов – и ежедневно натирают лицо, тело и волосы смесью красной охры с жиром. Эта смесь, которую они называют «*отжизе*», немного напоминает по цвету красную африканскую землю и в культуре химба считается олицетворением красоты. Главный смысл данного ритуала – чисто эстетический. Но попутно смесь охры и жира защищает кожу женщин-химба от солнечных лучей.

Самые совершенные по меркам тех времен краски для лица производились примерно за 10 тысяч лет до нашей эры в Древнем Египте. Египтяне были отличными химиками и знали толк и в косметике, и в компонентах, необходимых для производства увлажняющих кремов, макияжа и лаков для ногтей. К щепотке порошка из натурального вещества – например, из измельченных орехов и минералов – они добавляли животное сало или растительное масло. И получали текстуру, которая стойко держалась на глазах, губах или щеках. В древнейших египетских захоронениях были найдены инструменты для смешивания красок – палитры, дробилки и аппликаторы, что позволяет предположить, что они были не только неотъемлемой частью повседневной жизни, но и ценностью в жизни загробной. Египтяне внесли бесспорный вклад в индустрию красоты, создав невероятный макияж глаз, где основным цветом был черный. Но и красный цвет они тоже применяли смело. Чтобы сделать губы ярче, они использовали смесь красной охры и жира. Румяна, изготовленные из тех же ингредиентов – возможно, с добавлением воска или смолы, – придавали щекам красный лакированный блеск, кричаще-яркий на фоне изумрудно-зеленых век и густо обведенных черной сурьмой глаз⁶.

Изучая историю использования декоративной косметики, довольно скоро начинаешь проследивать тесную связь между правами и свободами женщин в конкретный отрезок времени – и той легкостью, с которой они пользовались красками для лица.

⁵ Malcolm Kirk, *Man As Art: New Guinea*, (New York: The Viking Press, 1981), 21.

⁶ Prof. Hamed Abdel-reheem Ead, "Cosmetics in Ancient Egypt," <http://www.levity.com/alchemy/islam23.htm> (на 25 января 2015 г.).

Тротула

Следующий после античных произведений важный текст, касающийся косметики, – «Тротула» (*Trotula*). Этот объемный труд из трех книг о здоровье женщин написан в XII веке в итальянском Салерно. Один из его разделов, «Об украшении женщин», посвящен теме сохранения и приумножения красоты. Из некоторых отсылок в тексте становится понятно, что автор данного раздела – мужчина (в отличие от остальных глав «Тротулы»), которые

написаны женщинами). В книге удивительным образом раскрываются местные традиции того времени, в том числе приводится описание производства румян: «салернские женщины кладут в мед корень красной и белой брионии, а затем этим медом умащают лица, что придает им великолепную красноту»⁷.

Как правило, в периоды наибольшего угнетения женщин применение декоративной косметики осуждалось и считалось чем-то неподобающим. По сравнению с женщинами последующих тысячелетий древние египтянки были независимы: они имели право владеть землями и имуществом и наследовать их (в одном из ранних документов, ныне известном как «Папирус Вильбура», даже указано, что женщины составляли от 10 до 11 процентов землевладельцев), управлять собственным «бизнесом» и инициировать юридические процессы в отношении мужчин. Тяжелая физическая работа также не считалась постыдной, и некоторые египтянки из низших социальных классов выполняли функции чернорабочих⁸. С учетом всего этого неудивительно, что древнеегипетское общество не только являлось самым продвинутым по части макияжа, но и в целом отличалось высокой толерантностью и тягой к экспериментам. Увы, многие более поздние цивилизации такой свободой мышления похвастаться не могли.

Самые ранние свидетельства использования красной краски для лица в Иране относятся к городу Шехдаду в провинции Керман. В здешних захоронениях археологи обнаружили белую пудру в значительных количествах. На дне сосудов, где хранилась пудра (вероятно, она использовалась как тональное средство и мужчинами, и женщинами), часто находились металлические чашки или блюда, окрашенные красным. Предполагается, что в них хранили краску для губ и щек. Эти румяна, известные как *surkhab*, *ghazah* или *gulgunah*, изготавливались из измельченного в порошок гематита, или красного мрамора, или даже краснозёма, с добавлением натурального красителя – например марены (*runas*). Судя по результатам раскопок древних поселений наподобие Шехдада, красная краска, вполне возможно, была в ходу еще до бронзового века. Недавние находки в гробницах иранских женщин, датируемые IV–V вв., включают красную краску, которая наносилась с помощью ватной подушечки – и, судя по всему, именно этот метод нанесения прижился вплоть до периода правления династии Каджаров (с 1796 по 1925 г.)⁹.

«Красный обороняется. Ни один другой цвет не имеет таких территориальных притязаний. Он столбит свою территорию...»
Дерек Джармен, «Хрома»

Женщины Древней Греции уже в IV веке до н. э. использовали красную краску для создания ярких губ и здорового румянца; в последнем случае ее наносили на яблочки щек – примерно так же, как мы наносим современные румяна. Этот бьюти-продукт делали из всевозможных природных веществ, в том числе морских водорослей и корня паэдерии (*paederos*) – растения наподобие алканы, которую в Центральной и Восточной Европе культивировали именно из-за ее красящих свойств: краску извлекали с помощью масел или винного спирта. Позднее появился красный пигмент вермилон, который получали из измельченной в порошок киновари – сульфида ртути; но, как и все производные ртути, при длительном хранении и использовании эта краска была ядовита. Декоративная косметика в целом использовалась довольно широко, но к чрезмерно яркому макияжу относились неодобрительно. Мужчины из высших слоев общества полагали, что удел женщины – целомудренность и ведение домаш-

⁷ Monica H. Green, ed., *The Trotula: An English Translation of the Medieval Compendium of Women's Medicine* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002), 120.

⁸ Lionel Casson, *Everyday Life in Ancient Egypt* (Baltimore: John Hopkins University Press, 2001), 32. and Robin Gay, *Women in Ancient Egypt* (Cambridge: Harvard University Press, 1993), 129–135.

⁹ Farmanfarmanian, Fatema Soudavar, "Haft Qalam Arayish": Cosmetics in the Iranian World." *Iranian Studies* 33 (лето-осень 2000 г.): 285–326.

него хозяйства. Древнегреческий философ Аристотель выразил это так: «Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении»¹⁰.

Мы привыкли считать, что крупные города являются центрами свободомыслия и прогресса. Однако в Древней Греции именно в Афинах на женщин накладывались наибольшие ограничения. По сути, они не могли даже покидать пределы собственного дома. Разумеется, это полностью отрезало их от социальной жизни города. С VI до IV в. до н. э. женщины Греции не принимали участия в землевладении, политике, решении юридических и военных вопросов¹¹. За ними не признавались гражданские права, и они должны были оставаться под контролем и протекцией старшего родственника-мужчины, который в том числе решал, когда и с кем девушка вступает в брак. Для регулирования поведения женщин в общественных местах был создан специальный орган власти¹². Каждый аспект жизни женщины тщательно отслеживался и оценивался – неудивительно, что и использование декоративной косметики совершенно не поощрялось. Исключением были гетеры – куртизанки, которые отличались ярким макияжем и, по иронии судьбы, обладали большими правами. Им разрешалось и посещать пиршества, и контролировать собственные деньги. Интересно, что такое наделение профессиональных любовниц и проституток дополнительными правами (в придачу к праву на яркий макияж) в последующие несколько веков повторится не раз.

Древнегреческий писатель Ксенофонт Афинский в своем «Домострое» (*Oeconomicus*) – произведении в форме диалога, посвященном ведению домашнего хозяйства, – недвусмысленно заявляет, что применение краски для лица подобно мошенничеству, так как вводит в заблуждение относительно истинного облика женщины:

*«Так когда, по-твоему, я заслуживал бы большие любви, находясь в телесном общении с тобою, – если бы, отдавая тебе свое тело, я заботился, чтоб оно было здорово и сильно и чтобы благодаря этому у меня был действительно хороший цвет лица, или же если бы я показывался тебе, намазавшись суриком и наложивши краску под глазами, и жил бы с тобою, обманывая тебя и заставляя смотреть на сурик и касаться его вместо моей собственной кожи?»*¹³

Учитывая отсутствие образования и прав у женщин Древней Греции, неудивительно, что все, что касается макияжа, было запротоколировано мужчинами. Но удивляет то, насколько пространно мужчины высказывались на эту тему. Тема косметики всплывает снова и снова – в поэзии, прозе или переписке косметика описывается в мельчайших подробностях (неважно, восхваляется она или порицается). Все это лишний раз доказывает, насколько острой была эта тема.

Из всех мужчин, описывавших макияж, пожалуй, можно выделить Ксенофонта. Именно его тексты дают наилучшее представление, как именно красились древние греки; из более поздних источников не менее важны сочинения Овидия. В отличие от Ксенофонта, Овидий был из тех редких мужчин, которые, судя по всему, одобряли использование косметики. Предположительно, он, хотя и провозглашал, что женщине в первую очередь следует быть целомудренной

¹⁰ Aristotle, Aristotle in 23 Volumes, Vol. 21, translated by H. Rackham. (Cambridge, MA, Harvard University Press; London, William Heinemann Ltd. 1944), раздел 1254b. В русском издании – Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983.

¹¹ Matthew Dillon and Lynda Garland, The Ancient Greeks: History and Culture from Archaic Times to the Death of Alexander, (New York: Routledge, 2013), 144.

¹² Mary Eaverly, Tan Men/Pale Women: Color and Gender in Archaic Greece and Egypt, A Comparative Approach (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013), 128.

¹³ Xenophon, The Shorter Socratic Writings, ed. Robert C. Bartlett, Oeconomicus trans. Carnes Lord (Cornell University, 1996), 72. В русском издании – С. И. Соболевский «Ксенофонт, его жизнь и сочинения». Домострой, «Глава 10. Отучение жены от косметических средств и приучение к укреплению тела заботами о хозяйстве».

(эдакий реверанс в сторону общепринятой морали), однако включил в свою дидактическую поэму «Средства для ухода за женским лицом» (*Medicamina Faciei Femineae*) разнообразные рецепты средств по уходу за кожей. И, в отличие от аналогичных рецептов римского философа и писателя Плиния Старшего, где среди ингредиентов встречаются мышиный помёт и мозг совы, советы Овидия, скорее всего, действительно пользовались успехом¹⁴. Написанная во II в. до н. э. назидательная поэма «Наука любви» (*Ars Amatoria*) – что-то вроде древнего сборника инструкций по романтическим отношениям – замечательным образом созвучна современным аналогам. В третьем томе этой «Науки...» приводится масса советов по созданию косметических средств и этикету их применения. Овидий явно хотел, чтобы женщины знали, как использовать кармин «для придания коже румянца, которым обделила Природа»¹⁵.

В качестве ингредиентов он настоятельно рекомендует лепестки роз и маков.

Несмотря на недоверие и осуждение, которые часто вызывала декоративная косметика, она продолжала оставаться частью повседневной жизни. В древнеримских раскопках археологи обнаружили огромное количество самых разных образных емкостей (пиксид) с остатками макияжа. В дешёвых пиксидах – деревянных или стеклянных – хранили краски для лица низшие сословия, более изящные сосуды из драгоценных металлов явно принадлежали знати, но очевидно, что сами средства макияжа не были роскошью. Ими пользовались и богатые, и бедные женщины Древнего Рима.

Декоративная косметика упоминается в литературе, она присутствует в живописи и скульптуре – и это даёт нам отличную возможность составить представление о жизни и социальной роли женщины в древнеримском обществе. Однако, как и в Древней Греции, отношение мужчин к декоративной косметике было в основном отрицательным; яркий макияж считался достойным критики и осмеяния. Можно понять, почему римские женщины, которые наносили красную краску на щеки и, гораздо реже, на губы, применяли её крайне умеренно.

Для макияжа использовались не только токсичные киноварь и красный свинец, но и другие ядовитые компоненты: красный железняк (красная охра), красильный мох, сангина и алкана. Предполагается, что краситься женщины могли только в уединении, в специальной комнате, куда вход мужчинам был запрещён. Богатым римлянкам наносить макияж помогали рабыни; их называли *cosmetae* – древний прообраз современного визажиста.

¹⁴ Parody and Subversion in Ovid's "Medicamina Faciei Femineae," Patricia A. Watson, *Mnemosyne*, Fourth Series, Vol. 54, Fasc. 4 (авг. 2001 г.), 457–71.

¹⁵ The Love Books of Ovid Being the *Amores*, *Ars Amatoria*, *Remedia Amoris* and *Medicamina Faciei Femineae* of Publius Ovidius Naso, 154.

Рассматривая портреты конца XVI в., можно предположить, что модные аристократки того времени наносили румяна в форме перевернутого треугольника – начиная от яблочек щек и сужая вниз, к подбородку. На картинах цвет выглядит ровным и хорошо растушеванным, но в реальной жизни такой макияж, скорее всего, был гораздо более ярким и агрессивным.

Портрет маркизы Помпадур авторства Франсуа Буше. Маркиза изображена сидящей у туалетного столика, за нанесением миниатюрной кисточкой румян тона «розовый Помпадур», который приобрел популярность именно благодаря ей. На плечах – накидка для защиты одежды от косметических пудр. Редкий пример, когда искусство косметической живописи стало сюжетом для произведения искусства живописи художественной.

В целом в древние времена в Риме и Греции относительной нормой считалось использовать декоративную косметику по минимуму, хотя известны периоды, когда на короткий срок в моду входил чрезмерный макияж. Полной противоположностью этому стала Европа XVI века, где был провозглашен принцип «чем больше, тем лучше». Столицей моды и центром развлечений знать избрала Венецию. В нескончаемой череде балов и празднеств плотный макияж был не только обязательным атрибутом, но и, скорее всего, банальной необходимостью – для маскировки последствий бурной ночи, случившейся накануне. Благодаря Екатерине Медичи, дочери аристократа родом из Флоренции и супруге правящего короля Франции Генриха II (с 1547 по 1559 г.), итальянское влияние добралось до Франции. Екатерина активно поощряла использование при дворе духов и косметики. В Англии же косметику взяла под свое покрови-

тельство правившая в тот момент королева Елизавета I: она обожала макияж и на портретах часто изображалась явно «при параде», щедро накрашенной белилами и румянами.

Для окраски щек и губ в Европе в этот период использовали те же смеси на основе кошенили, марены и охры и ядовитый вермилion, что и в Древней Греции. Переносили декоративную косметику в специальных кофрах, куда уместались все средства, необходимые женщине елизаветинской эпохи: белила (обязательная фарфорово-белая пудра), красная краска – *rouge* – и декоративные мушки. Чтобы оттенить крайне модную бледность, придворные дамы и дворянки добавляли красного цвета на щеки и губы – так, чтобы было явно видно, что они накрашены. Вот комментарий одного из сатириков тех времен (имя его неизвестно): «Художникам для работы более не нужны коробки с красками – для полной палитры пигментов достаточно стоящей неподалеку модной дамы». Проблема, как точно подметил поэт Джон Донн, была в восприятии: «Что любишь ты в ее лице – то цвет, который краска придает; а ее ты ненавидишь – но не за то, что она есть, а за то, что ты знаешь, что она есть»¹⁶.

¹⁶ John Donne, *Juvenilia: Or Certain Paradoxes and Problems* (1633).

Румяна в разные века. Чистая биология? Покрасневшие щеки – признак сексуального возбуждения, юности, здоровья и плодovitости.

«Красный – цвет жизни, цвет крови. Обожаю красный».
Коко Шанель

Цвет, который красная краска придавала губам и щекам, вполне соответствовал идеалам красоты того времени – но мужчины желали оставаться в неведении относительно его искусственного происхождения. Ранние христианские писатели способствовали тому, чтобы макияж воспринимался как обман. Избавиться от этой ассоциации было трудно. Святой Киприан, например, заявлял, что раскрашивание губ и «наведение румянца» «изгоняют

истину и лица, и ума, искажая их через собственную извращенную суть»¹⁷. В эпоху Возрождения идею, что макияж создает «фальшивое лицо», можно встретить и у Шекспира. Гамлет резко заявляет Офелии: «Слышал я и про ваше малевание, вполне достаточно; бог дал вам одно лицо, а вы себе делаете другое» (перевод Лозинского. – *Прим. пер.*). Датский критик Георг Брандес писал об отношении Шекспира к косметике: «Если Шекспир ненавидел что-нибудь в продолжение всей своей жизни такой страстной ненавистью, которая не находилась ни в какой пропорции с ничтожностью самого предмета, то это были [...] румяна»¹⁸.

С концом правления Елизаветы окончилось и монаршее благоволение на использование красок для лица. Макияж придворных дам становится более скромным. На рубеже XVII века в Англии отношение к румянам резко меняется: это связано с изменением политических взглядов и торжеством пуританских взглядов. В 1650 году в Долгом парламенте времен Оливера Кромвеля был представлен проект «Указа против порока раскрашивания лица, ношения черных мушек и нескромных одеяний женщин, будет зачитываться утром следующей пятницы»¹⁹. Правда, после первого же чтения от проекта было решено отказаться: очевидно, в английском обществе косметика уже занимала такое важное место, что запретить ее полностью не представлялось возможным. Бурно расцвели двойные стандарты – общественное мнение настаивало, что красить лицо неприемлемо, а мужчины втайне любовались румяными лицами дам. Некоторые даже делали это открыто: Сэмюэль Пипс, автор дневника о жизни Лондона, описывая, как дама, сплунув, случайно попала в него, с иронией замечал: «Оказалось, что она совершенная красавица, и ее оплошность перестала меня заботить»²⁰. В итоге было негласно решено: если уж все эти краски так необходимы, пользоваться ими надлежит таким образом, чтобы результат выглядел естественным.

Середина XVIII века в Европе отмечена усиленным использованием румян. Идеал красоты, который мы видим на портретах того времени, – бледное лицо с розовыми щеками (аналогично моде шестнадцатого века) и темными очерченными бровями. С помощью макияжа подчеркивался статус и демонстрировалась причастность к модным веяниям. Румяна наносились так щедро, что каждому очевидно – цель выглядеть естественно не преследовалась. Особенно это касается Франции, которая к этому моменту получает статус законодательницы моды для всей Европы. Придворный этикет французского двора подразумевает раскрашивание лица. Хотя основная часть работы по «наведению марафета» происходит за закрытыми дверями, нанесение макияжа и облачение в платье становится частью публичного представления под условным названием «утро аристократки» (примерно так же сегодня делаются съемки за кулисами модных съемок – то, что называют «бэкстейдж»). Маркиза де Помпадур, фаворитка французского короля Людовика XV, знаменита многочисленными портретами, где она изображается с явно нарумяненными щеками. Ее усилия не пропали даром: один из оттенков розового ныне известен как «розовый Помпадур». На портрете Франсуа Буше 1758 года она изображена у туалетного столика за нанесением румян миниатюрной кисточкой из небольшой пудреницы – редкий случай, когда искусство косметической живописи запечатлено в произведении искусства живописи художественной.

¹⁷ St. Cyprian (ed. The Rev. Alexander Roberts, D., and James Donaldson, LL.D.) "On The Dress of Virgins," in The Ante-Nicene Fathers, Translations of The Writings of the Fathers down to A.D. 325, Revised and Chronologically Arranged, with Brief Prefaces and Occasional Notes, by A. Cleveland Coxe, D.D., (том V) (Authorized Edition) (T&T Clark, 1995,) 434.

¹⁸ Georg Brandes, "Shylock: a monster of passionate hatred, not avarice," Shakespeare: The Critical Edition: The Merchant of Venice, ed. William Baker and Brian Vickers. В русском издании – Георг Брандес. «Шекспир. Жизнь и произведения». Перевод В. М. Спасской и В. М. Фриче. М., «Алгоритм», 1997. Отпечатано по изданию Брандес, Шекспир. Жизнь и произведения, Москва, 1899 г.

¹⁹ House of Commons Journal Volume 6: 7 June 1650, in Journal of the House of Commons: Volume 6, 1648–1651 (London: His Majesty's Stationery Office, 1802), 420–22.

²⁰ Pointer, The Artifice of Beauty, 102.

Красный, самый древний цвет краски, пробуждает в нас первобытный эмоциональный отклик и возбуждает сильные и противоречивые чувства.

К этому моменту краски для макияжа уже существовали почти в том же количестве оттенков, что и краски художественные – и использовались мастерски. В дневниках, опубликованных в 1877 году, шведский аристократ граф Аксель фон Ферзен описывает увиденную им сцену: французская дворянка наносит макияж и использует, по его словам, шесть баночек с красной краской и еще одну, в которой было что-то скорее черное, чем красное. Мораг Мартин в своей книге *Selling Beauty* («Продавая красоту») говорит, что «граф понял, что там был

красивейший из красных цветов, которые ему когда-либо доводилось видеть. Затем, поверх этого первого слоя, дама добавила краски из остальных шести, по две зараз»²¹.

В то время при дворе красной краской пользовались и мужчины, и даже дети – правда, несколько другими оттенками, нежели женщины. К 1780 году во Франции румяна можно было купить у парфюмеров. Сделать это мог каждый, у кого хватало денег. Но средние классы использовали меньше косметики, и в целом их образ был более скромным, чем у аристократии. Французские писатели Эдмон и Жюль де Гонкур в одном из своих произведений объясняют, что «румяна благочестивой дамы – не то же, что румяна придворных или румяна куртизанок; это лишь намек на неуловимый оттенок»²².

Неумеренность макияжа во Франции привела к осуждению его в Англии. Там многие все еще считали его фальшивкой и бутафорией. Портреты дам восемнадцатого века в Англии и США позволяют предположить, что они предпочитали выглядеть проще и естественнее, чем дамы во Франции в тот же период. В 1775 году англичанин Хорас Уолпол в письме из Парижа сравнил косметические привычки двух стран в таком юмористическом пассаже: «Вчера в опере я обнаружил англичанку – в плюмаже, но без макияжа, отчего она выглядела, как пускающая слюни шляха; наши соотечественницы ни перед чем не остановятся, только бы продемонстрировать свое благочестие!»²³ Однако пропасть между «макияжем по-французски» и «макияжем по-английски» существовала недолго – Французская революция привела все к более-менее единому знаменателю, повернув парижскую моду в сторону большей естественности.

Мода менялась, а косметика становилась все более и более доступной, разнообразной и... менее вредной. К концу XVIII века небезопасность свинца и ртути получила научные доказательства, поэтому особым спросом стала пользоваться краска растительного происхождения. В то же время становятся невероятно популярными румяна под названием «испанская шерсть» (*spanish wool*), которые вообще-то были известны еще с XVII века. «Испанскую шерсть» можно было найти всех размеров и расцветок. Эти румяна представляли собой ткань, окрашенную кошенилью или аналогичным красителем и разрезанную на куски шириной около 4 см. Дамы прижимали ее к губам и щекам, чтобы придать им нужный цвет. Портативный вариант *Spanish wool* назывался «испанской бумагой» (*spanish paper*) и представлял собой небольшой, пропитанный пигментом лист бумаги, который удобно было хранить в дамской сумочке. Красную краску продавали расфасованной в маленькие баночки, стеклянные бутылки или на блюде. В зависимости от текстуры ее следовало наносить пальцами, кистью из натурального ворса, заячьей лапкой или пуховкой.

В начале XIX века отношение общества к макияжу претерпело очередные изменения. Заявление королевы Виктории о вульгарности «всех этих красок» означало, что теперь всем надлежит быть бледными. Согласно предписаниям монархии, леди обязали ходить с «голым» лицом и сложносочиненной прической на голове, а женщину со следами румян автоматически относили к «актрискам» или, как тогда было принято выражаться, «дамам низкой морали». Женщинам, которые по разным причинам не были готовы с этим согласиться, оставалось только щипать щеки и кусать губы, чтобы стимулировать естественный прилив крови. В то же время к 1850 году во Франции производство косметики стало национальной индустрией. Центром ее был Париж, где румяна производились в невиданных ранее промышленных масштабах. К концу века покупателям предлагали выбор из десятков возможных цветов и текстур.

²¹ Morag Martin, *Selling Beauty: Cosmetics, Commerce, and French Society, 1750–1830* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009), 27.

²² Melissa Hyde, *Making Up the Rococo: François Boucher and His Critics* (Los Angeles: Getty Research Institute, 2006), 87.

²³ Richard Corson, *Fashions in Makeup: from Ancient to Modern Times* (London: Peter Owen Publishers, 2004), 249.

«Сила красного на вашем лице так же велика, как вызываемый им прилив силы духа».

София Лорен, «Женищины и красота»

Конец правления Виктории и тесное общение ее сына, будущего короля Эдуарда VII, с некоторыми из самых известных в то время театральных актрис – Лили Лэнгтри и Сарой Бернар – смягчили отношение общественности к макияжу. К румянам снова стали относиться без презрения.

В книге «Защита косметики» (*Defence of Cosmetics*), которая вышла в 1896-м и которую ее автор позднее переименовал в «Превосходство румян» (*The Pervasion of Rouge*), писатель-сатирик Макс Бирбом писал:

«Ведь посмотрите! Викторианская эпоха подходит к завершению, и дни святой наивности уже сочтены... мы созрели для новой эры искусственности. Не видите, как мужчины встряхивают игральные кости, а дамы запускают пальцы в банки с румянами?.. Более не порицают модную даму, если она, дабы уберечься от жестоких ударов времени, ищет спасения у алтаря туалетного столика; или если девица, глядясь в зеркало, с помощью кисти и пигмента добавляет себе очаровательности, нас это не злит. И почему вообще когда-либо должно было злит?»²⁴

Слова Бирбома затронули болезненную тему и оказались более правдивы, чем можно было предполагать: с наступлением эдвардианской эпохи к косметике стали относиться гораздо терпимее.

²⁴ Max Beerbohm, "A defence of cosmetics" (New York: Dodd, Mead, and company, 1922), 4–5.

Музы макияжа

Мария-Антуанетта

«Я накладываю румяна и мою руки на виду у всего мира», – написала Мария-Антуанетта в 1770 году. Ритуал нанесения на лицо краски был для нее актом глубоко символичным и пронизанным сложным политическим подтекстом.

Мария-Антуанетта вошла в историю как икона красоты и моды (лишнее тому подтверждение – шикарный фильм Софии Копполы 2006 года). Сложно представить, что она не всегда считалась первой красавицей. Ее мать находила во внешности дочери множество «дефектов». Самыми ужасными ей казались неровная линия роста волос, нос с горбинкой и выпирающая нижняя губа – так называемая губа Габсбургов²⁵. Мария-Антуанетта была отлично осведомлена об этих своих недостатках и в возрасте всего-то двадцати пяти лет просила свою первую фрейлину, мадам Кампан: «Дай мне знак, когда увидишь, что цветы мне более не идут»²⁶. Самой красивой чертой ее внешности, воспетой многими современниками, была светящаяся белая кожа – причем не только лица, но и шеи, плеч и рук²⁷.

Ее знаменитый ритуал наведения красоты, на который приглашались зрители, мадам Кампан считала «шедевром среди церемоний этикета»²⁸. Первая часть этого шедевра, «уединенная», включала омовение лица и тела, нанесение белой пудры или краски и укладки и припудривания волос. К «публичной» части приступали в полдень; она состояла из макияжа и финальных штрихов. Излюбленным зрелищем посетителей был процесс наложения румян. Антония Фрэзер, автор биографии Марии-Антуанетты, отмечает, что мероприятие это было отнюдь не быстрым. Во-первых, любой приглашенный на церемонию гость мог явиться в любое время и должен был быть встречен со всеми почестями. Во-вторых, королева не могла принарядно тянуться за всеми этими пуховками и расческами и вынуждена была дожидаться, пока ей подадут необходимый предмет. Как нетрудно догадаться, это нисколько не ускоряло процесс.

Румяна Мария-Антуанетта предпочитала носить «в виде совершенного круга, цвета, мало отличного от алого»²⁹

²⁵ Antonia Fraser, *Marie Antoinette: The Journey* (New York: Anchor Books, 2012), 36–37.

²⁶ Madame Campan, *Memoirs of the Court of Marie Antoinette* (Middlesex: Echo Library, 2007), 139.

²⁷ Fraser, *Marie Antoinette*, 145.

²⁸ Campan, *Memoirs*, 63.

²⁹ Fraser, *Marie Antoinette*, 93.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.